

МИРЫ Г. П. ОПДИ

ОЛЕГ
ЛАДЫЖЕНСКИЙ

МОСТ
НАД ОКЕАНОМ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Олег Семенович Ладыженский

Мост над океаном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157595

Аннотация

Проза Олди неотделима от поэзии. Касыды в «Я возьму сам», баллады из «Песен Петера Сьядека», лирика «Мага в Законе», насмешливые сатиры из «Ордена Святого Бестселлера», хокку, танка и рубайи, дружеские эпиграммы и посвящения, щедро разбросанные на просторах книг, скрытые под авторскими псевдонимами «Ниру Бобовой» или «Фрасимед Мелхский», стилизации под Бернса, Вийона, Хайяма, Аль-Мутанабби, поэмы «Одиссей, сын Лаэрта» и «Иже с ними». И вот, наконец, у вас в руках солидный том стихов Олега Ладыженского, куда вошли многие стихотворения, как издававшиеся ранее в контексте романов и повестей Олди, так и новые, публикуемые впервые.

=====

Восторженные речи? – пустяки.
Хулительные возгласы?! – пустое.
А что стихи?
По-прежнему стихи.
По-прежнему одни чего-то стоят.
И по ступеням
ритма,
не спеша,
С улыбкою к душе идет душа.

Содержание

ВЕНОК КАСЫД	6
КАСЫДА О НОЧНОЙ ГРОЗЕ	6
КАСЫДА О ВЕЛИЧИИ	7
КАСЫДА О БЕССИЛИИ	8
КАСЫДА О ПОСЛЕДНЕМ ПОРОГЕ	9
КАСЫДА ОТЧАЯНЬЯ	10
КАСЫДА О ПУТЯХ В МАЗАНДЕРАН	12
КАСЫДА ПРИЗРАКОВ	13
КАСЫДА О ЛЖИ	14
КАСЫДА О ВЗЯТИИ КАБИРА	15
КАСЫДА НОЧИ	17
КАСЫДА ПОСЛЕДНЕЙ ЛЮБВИ	19
КАСЫДА СЛУЧАЙНОЙ УЛЫБКИ	20
КАСЫДА ПРОТИВОРЕЧИЙ	21
КАСЫДА СОМНЕНИЙ	23
КАСЫДА О ВЕЛИКОЙ БРАНИ	24
КАСЫДА О ПРАВОЙ РУКЕ	26
ГАЗЕЛЛА УШЕДШЕГО	27
НОЧНЫЕ ЦИКАДЫ	28
I. ТЕРЦИЯ	28
II. КВАРТА	38
III. КВИНТА	41
ХАЙЯМКИ	44
НОВОРУССКИЙ РУБАЙЯТ «ПАЦАН ХАЙЯМ»	49
БАЛЛАДА СУДЬБЫ	52
БАЛЛАДА НОЧНОГО ВСАДНИКА	52
БАЛЛАДА ПРИЗРАКОВ	53
БАЛЛАДА О КУЛАКЕ	55
БАЛЛАДА ДВОЙНИКОВ	57
БАЛЛАДА ПЕСНИ ПОД ВИСЕЛИЦЕЙ	59
БАЛЛАДА ОПЫТА или БУДЬТЕ, КАК ДЕТИ...	61
БАЛЛАДА СРЕДНИХ ЛЕТ	62
ТИХАЯ БАЛЛАДА	64
БАЛЛАДА СУДЬБЫ	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Олег ЛАДЫЖЕНСКИЙ

МОСТ НАД ОКЕАНОМ

(СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ)

Это удивительно в первую очередь для меня самого. Пожалуй, я никогда не скрипел зубами по ночам от страстного желания увидеть свой поэтический сборник. Только стихи: одинокие, полузамерзшие бродяги на снежном поле бумаги. Обучившись трем знаменитым аккордам, я напевал их в компаниях и в спектаклях; бывало, читал, чтобы не сказать хуже – декламировал – милым барышням, любимой жене, друзьям, коллегам и почтенной публике, оказавшись в очередной раз на сцене; с удовольствием «точил рифмы» внутри прозаических книг, раздражая одних, других оставляя равнодушными – и, смею надеяться, радуя третьих...

Началось это странно, чтоб не сказать: комично.

Отчего люди, разумные, добропорядочные существа, вдруг начинают говорить стихами? От любви, взаимной или несчастной. В приступе безумия. Повинуясь возвышенным порывам, подчиняясь ревнивой владычице-Музе – или хотя бы из вредности, желая досадить сопернику рифмованной гадостью пасквиля. Так или иначе, я впервые съехал на поэзию "от ремонта". Мы перебрались в новую квартиру на улице Петровского, бывшей Бассейной – помните? "Жил человек рассеянный на улице Бассейной..."? – и, глядя на воцарившийся хаос, смешной семилетка-первоклассник вдруг разразился поэмой.

Поменяли мы квартиру,
Там везде зияли дыры,
Стали делать мы ремонт –
Блохи выгнали нас вон...

Вот такая вульгарная лирика. Вот такой лирический герой среди мешков цемента и кирпичной крошки. Мой отец, артист разговорного жанра и эстрадный драматург, увидел в этом перст судьбы. Ну и я не подкачал: вскоре родились «Источник заразы» (о стае дворовых кошек, подкармливаемых добрыми соседками), «Мат» (о спортивном мате в палисаднике, а не о том, о чем Вы подумали), «В зоопарке я и Вовка...» – и романтическая «Баллада о Робин Гуде», чудачка в зеленом плаще, чудом затесавшаяся в компанию пролетариев от сатиры.

Стоит ли удивляться, что спустя полгода "ужасное дитя" поступило в литературную студию Дворца пионеров и школьников им. Постышева? Студию вел замечательный поэт и мудрый учитель Вадим Левин. Мы говорили о странных вещах. Например, захлеб обсуждали: "Что можно делать при помощи стихов?" Поверьте, это не тот вопрос, на который ребенок ответит с легкостью. Здесь пасовали взрослые: родители с удовольствием оставались на наших "посиделках", принимая живейшее участие. Один отрок, чье имя стерлось в памяти, выдал: "С помощью стихов можно зарабатывать деньги!" Что ж, в определенной степени он оказался прав. Мы бросали друг дружке мячики: кто скорее вернет с рифмой? "Палка-галка" быстро уступило месту вопросу "Кремль?.." Мячик дрожал в руке. Черт его знает, с чем этот Кремль рифмуется... Кремень? Ремень? Я выдал несусветное: "Крем ль?" Этот загадочный крем, который вызывает у стихотворца явные подозрения, преследует меня до сих пор.

На конкурсе "Стихов про зверей" я отметился в жанре психологической миниатюры:

На шкафу сидит жирафа,

А козел стоит у шкафа,
Потому что тот козел
На жирафу очень зол.

Вскоре после этого четверостишия в литературной студии очутился некий Дмитрий Громов. Символично, не правда ли? Громов, значит, грянул, Ладыженский перекрестился. Призрак шкафа по имени Олди тогда еще бродил по далекой Европе, собираясь вернуться в Харьков только в 1990-м, лет через пятнадцать.

Шли годы. Гормоны бурлили в крови. Борода уже выросла, седина еще не пробилась, но бес настойчиво тарабанил в ребро. Нашлось место и любовным стансам, и пародиям, и "хайямкам", и театральным зонгам из пьес, которые я ставил, в которых играл. Ничтоже сумняшеся, я сочинял "под Вийона", играя "поющего" Франсуа в "Жажде над ручьем" Юлиу Эдлиса, сочинял "Солдатскую" и "Песнь конторщика" в дипломном спектакле "Когда фея не любит" Феликса Кривина, где заодно присвоил роль Короля; работал с рок-оперой по пьесе В. Коростылева "Король Пиф-Паф, но не в этом дело"...

Но сольная книга стихов?

Это было едва ли не самым фантастичным из написанного мной.

Как правило, куда отчетливее я представлял рифмы и ритмы в общем потоке романа: песни из спектакля, действующие заодно с актерами, музыкой, освещением и декорациями. Да, разумеется: и со зрительным залом. Многие стихи так и рождались, многие по сей день ждут своей трагедии или комедии. Но однажды Его Величество Читатель начали слать к своему покорному слуге фельдъегерей с депешами: ласковыми, гневными, настойчивыми или вкрадчивыми. Его Величество требовали того, о чем редко задумывался скромный певец. Его Величеству захотелось песен вне спектакля. Актеры могли отдохнуть, декорации – на время лечь в хранилище, и осветитель уже готов был уйти пить водку, выключив прожектора и загасив свечи.

"Кроме того, – властно сказал монарх, – ведь есть же и неспетое?!"

"Кто я такой, чтобы спорить?" – подумал я.

"Ваше Величество, я счастлив," – подумал я.

И это чистая правда.

Восторженные речи? – пустяки.
Хулительные возгласы?! – пустое.
А что стихи?
По-прежнему стихи.
По-прежнему одни чего-то стоят.

И по ступеням
ритма,
не спеша,
С улыбкою к душе идет душа.

Искренне Ваш, Олег Ладыженский

ВЕНОК КАСЫД

*Гордому сердцу твоему,
Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби*

КАСЫДА О НОЧНОЙ ГРОЗЕ

О гроза, гроза ночная, ты душе – блаженство рая,
Дашь ли вспыхнуть, умирая, догорающей свечой,

Дашь ли быть самым собою, дарованьем и мольбою,
Скромностью и похвальбою, жертвою и палачом?

Не встававший на колени – стану ль ждать чужих молений?
Не прощавший оскорблений – буду ль гордыми прощен?!

Тот, в чьем сердце – ад пустыни, в море бедствий не остынет,
Раскаленная гордыня служит сильному плащом.

Я любовью чернооких, упоеньем битв жестоких,
Солнцем, вставшим на востоке, безнадежно обольщен.

Только мне – влюбленный шепот, только мне – далекий топот,
Уходящей жизни опыт – только мне. Кому ж еще?!

Пусть враги стенают, ибо от Багдада до Магриба
Петь душе Абу-т-Тайиба, препоясанной мечом!

КАСЫДА О ВЕЛИЧИИ

Величье владыки не в мервских шелках, какие на каждом купце,
Не в злате, почившем в гробах-сундуках – поэтам ли петь о скупце?!

Величье не в предках, чьей славе в веках сиять заревым небосклоном,
И не в лизоблюдах, шутах-дураках, с угодливостью на лице.

Достоинство сильных не в мощных руках – в умении сдерживать силу,
Талант полководца не в многих полках, а в сломанном вражьем крестце.

Орлы горделиво парят в облаках, когтят круторогих архаров,
Но все же: где скрытан грядущий орел в ничтожном и жалком птенце?!

Ужель обезьяна достойна хвалы, достойна сидеть на престоле
За то, что пред стаей иных обезьян она щеголяет в венце?

Да будь ты хоть шахом преклонных годов, владыкой племен и народов,-
Забудут о злобствующем глупце, забудут о подлеце.

Дождусь ли ответа, покуда живой: величье – ты средство иль цель?
Подарок судьбы на пороге пути? Посмертная слава в конце?

КАСЫДА О БЕССИЛИИ

Я разучился оттачивать бейты. Господи, смилуйся или убей ты! –
чаши допиты и песни допеты. Честно плачу.

Жил, как умел, а иначе не вышло. Знаю, что мелко, гнусаво, чуть слышно,
знаю, что многие громче и выше!.. Не по плечу.

В горы лечу – рассыпаются горы; гордо хочу – а выходит не гордо,
слово "люблю" – словно саблей по горлу. Так не хочу.

Платим минутами, платим монетами, в небе кровавыми платим планетами,-
нет меня, слышите?! Нет меня, нет меня... Втуне кричу.

В глотке клоочет бессильное олово. Холодно. Молотом звуки расколоты.
Тихо влачу покаянную голову в дар палачу.

Мчалась душа кобылицей степною, плакала осенью, пела весною,-
где ты теперь?! Так порою ночью гасят свечу.

Бродим по миру тенями бесплотными, бродим по крови, которую пролили,
жизнь моя, жизнь – богохульная проповедь! Ныне молчу.

КАСЫДА О ПОСЛЕДНЕМ ПОРОГЕ

Купец, я прахом торговал; скупец, я нищим подавал;
глупец, я истиной блевал, валяясь под забором.

Я плохо понимал слова, но слышал, как растет трава,
и знал: толпа всегда права, себя считая Богом!

Боец, я смехом убивал; певец, я ухал, как сова,
и безъязыким подпевал, мыча стоустым хором,

Когда вставал девятый вал, вина я в чашку доливал
и родиную звал подвал, и каторгою – город.

Болит с похмелья голова, озноб забрался в рукава,
Всклокочена моя кровать безумной шевелюрой,

Мне дышится едва-едва, мне ангелы поют: «Вставай!»,
Но душу раю предавать боится бедный юрод.

Я пью – в раю, пою – в раю, стою у жизни на краю,
Отдав рассудок забытью, отдав сомненья вере;

О ангелы! – я вас убью, но душу грешную мою
Оставьте!.. Тишина. Уют. И день стучится в двери.

КАСЫДА ОТЧАЯНЬЯ

(написанная в стиле «Бади»)

От пророков великих идей до пороков безликих людей.
Ни минута, ни день – мишура, дребедень, ныне, присно,
всегда и везде.

От огня машрафийских мечей до похлебки из тощих грачей.
Если спросят: "Ты чей?", отвечай: "Я ничей!"
и целуй суку-жизнь горячей!

Глас вопиющего в пустыне
Мне вышел боком:
Я стал державой, стал святыней,
Я стану богом,
В смятении сердце, разум стынет,
Душа убога...
Прощайте, милые:
я – белый воск былых свечей!

От ученых, поэтов, бойцов, до копченных под пиво рыбцов.
От героев-отцов до детей-подлецов – Божий промысел,
ты налицо!

Питьевая вода – это да! Труп в колодце нашли? Ерунда!
Если спросят: "Куда?", отвечай: "В никуда!";
это правда, и в этом беда.

Грядет предсказанный День Гнева,
Грядет День Страха:
Я стал землей, горами, небом,
Я стану прахом,
Сапфиром перстня, ломтем хлеба,
Купцом и пряхой...
Прощайте, милые:
И в Судный День мне нет суда!

Пусть мне олово в глотку вольют, пусть глаза отдадут воронью –
Как умею, встаю, как умею, пою; как умею,
над вами смеюсь.

От начала прошлись до конца. Что за краем? Спроси мертвеца.
Каторжанин и царь, блеск цепей и венца – все бессмыслица.
Похоть скопца.

Пороги рая, двери ада,
Пути к спасенью –
Ликуй в гробах, немая падаль,
Жди воскресенья!
Я – злая стужа снегопада,
Я – день весенний...
Прощайте, милые:
Иду искать удел певца!

КАСЫДА О ПУТЯХ В МАЗАНДЕРАН

Где вода, как кровь из раны, там пути к Мазандерану;
где задумчиво и странно – там пути к Мазандерану,

где забыт аят Корана, где глумится вой бурана,
где кричат седые враны – там пути к Мазандерану.

Где, печатью Сулаймана властно взяты под охрану,
плачут джинны непрестанно – там пути к Мазандерану,

где бессильны все старанья на пороге умиранья
и последней филигранью отзовется мир за гранью,

где скала взамен айвана, и шакал взамен дивана,
где погибель пахлавану – там пути к Мазандерану.

Где вы, сильные? Пора нам в путь по городам и странам,
где сшибаются ветра на перекрестке возле храма,

где большим, как слон, варанам в воздухе пустыни пряном
мнится пиршество заране; где в седло наездник прянет,

и взлетит петля аркана, и ударит рог тарана,
и взорвется поле брани... Встретимся в Мазандеране!

КАСЫДА ПРИЗРАКОВ

Ветер в кронах заплакал, берег темен и пуст.
Поднимается якорь, продолжается путь.

И бродягою прежним, волн хозяин и раб,
К мысу Доброй Надежды ты ведешь свой корабль –

Где разрушены стены и основы основ,
Где в ночи бродят тени неродившихся слов,

Где роптанье прибоя и морская вода
Оправдают любого, кто попросит суда.

Где забытые руки всколыхнут седину,
Где забытые звуки огласят тишину,

Где бессмыслица жизни вдруг покажется сном,
Где на собственной тризне ты упьешься вином,

Где раскатится смехом потрясенная даль,
Где раскатится эхом еле слышное "Да..."

Но гулякой беспутным из ночной немоты,
Смят прозрением смутным, не откликнешься ты –

Где-то, призраком бледным, в черноте воронья,
Умирает последней безнадежность твоя.

КАСЫДА О ЛЖИ

Это серость, это сырость, это старость бытия,
Это скудость злого рока, это совесть; это я.

Все забыто: «коврик крови», блюдо, полное динаров,
Юный кравчий с пенной чашей, подколотая змея,

Караван из Басры в Куфу, томность взгляда, чьи-то руки...
Это лживые виденья! Эта память – не моя!

Я на свете не рождался, мать меня не пеленала,
Недруги не проклинали, жажду мести затая,

Рифмы душу не пинали, заточенные в пенале,
И надрывно не стенали в небе тучи воронья.

Ворошу бывшее, плачу, сам себе палач и узник,
Горблю плечи над утратой, слезы горькие лия:

Где ты, жизнь Абу-т-Тайиба, где вы, месяцы и годы?
Тишина. И на коленях дни последние стоят.

КАСЫДА О ВЗЯТИИ КАБИРА

Не воздам Творцу хулою за минувшие дела,
Пишет кровью и золою тростниковый мой калам,

Было доброе и злое – только помню павший город,
Где мой конь в стенном проломе спотыкался о тела.

Помню: в узких переулках отдавался эхом гулким
Грохот медного тарана войска левого крыла,

Помню: жаркой требухой, мертвым полем под сохою,
Выворачивалась площадь, где пехота бой вела.

Помню башню Аль-Кутуна, где отбросили к мосту нас,
И вода тела убитых по течению влекла,

Помню гарь несущий ветер, помню, как клинок я вытер
О тяжелый, о парчовый, кем-то брошенный халат,

Помню горький привкус славы, помню вопли конной лавы,
Что столицу, как блудницу, дикой похотью брала.

Помню, как стоял с мечом он, словно в пурпур облаченный,
А со стен потоком черным на бойцов лилась смола –

Но рука Абу-т-Тайиба ввысь указывала, ибо
Опускаться не умела, не желала, не могла.

Воля гневного эмира тверже сердцевины мира,
Слаще свадебного пира, выше святости была.

Солнце падало за горы, мрак плащом окутал город,
Ночь, припав к земле губами, человечью кровь пила,

В нечистотах и металле жизнь копытами топтали,
О заслон кабирской стали знатно выщерблен булат!

Вдосталь трупоедам пищи: о стервятник, ты не нищий!..
На сапожном голенище сохнет бурая зола.

Над безглавыми телами бьется плакальщицей пламя,
Над Кабиром бьет крылами Ангел Мести, Ангел Зла,

Искажая гневом лица, вынуждая кровь пролиться –
Плачь, Златой Овен столицы, мясо бранного стола!

Плачь, Кабир – ты был скалою, вот и рухнул, как скала!

...Не воздам Творцу хулою за минувшие дела.

КАСЫДА НОЧИ

...Ночи плащ, лунной заплатан, вскользь струится по халату,
с сада мрак берет плату скорбной тишиной –

в нетерпении, в смятении меж деревьев бродят тени,
и увенчано растение бабочкой ночной...

Что нам снится? Что нам мнится? Грезы смутной вереницей
проплывают по страницам книги бытия,

чтобы в будущем продлиться, запрокидывая лица
к ослепительным жар-птицам... До чего смешно! –

сны считая просто снами, в мире, созданном не нами,
гордо называть лгунами тех, кто не ослеп,

кто впивает чуждый опыт, ловит отдаленный топот,
кто с очей смывает копоть, видя свет иной!..

...Пес под тополем зевает, крыса шастает в подвале,
старый голубь на дувале бредит вышиной –

крыса, тополь, пес и птица, вы хотите прекратиться?
Вы хотите превратиться, стать на время мной?!

Поступиться вольным духом, чутким ухом, тощим брюхом?
На софе тепло и сухо, скучно на софе,

в кисее из лунной пыли... Нас убили и забыли,
мы когда-то уже были целою страной,

голубями, тополями, водоемами, полями,
в синем небе журавлями, иволгой в руке,

неподкованным копытом... Отгорожено, забыто,
накрест досками забито, скрыто за стеной.

...Жизнь в ночи проходит мимо, вьется сизой струйкой дыма,
горизонт неумоимо красит рыжей хной...

Мимо, путником незрячим сквозь пустыни снег горячий,
и вдали мираж маячит дивной пеленой:

золотой венец удачи – титул шаха, не иначе!
Призрак зазывалой скачет: эй, слепец, сюда!

Получи с медяшки сдачу, получи динар впридачу,

получи... и тихо плачет кто-то за спиной.

Ночь смеется за порогом: будь ты шахом, будь ты Богом –
неудачнику итогом будет хвост свиной,

завитушка мерзкой плоти! Вы сгниете, все сгниете,
вы блудите, лжете, пьете... Жизнь. Насмешка. Ночь.

КАСЫДА ПОСЛЕДНЕЙ ЛЮБВИ

Ты стоишь передо мною, схожа с полною луною,
С долгожданною весною – я молчу, немея.

Дар судьбы, динар случайный, ветра поцелуй прощальный,
Отблеск вечности печальный – я молчу, не смея.

Пусть полны глаза слезами, где упрек безмолвный замер –
Я молчу, и мне терзает душу жало змея.

Заперта моя темница, и напрасно воля мнится,-
Не пробиться, не пробиться... О, молчу в тюрьме я!

Отвернись, уйди, исчезни, дай опять привыкнуть к бездне,
Где здоровье – вид болезни, лук стрелы прямее,

Блуд невинностью зовется, бойня – честью полководца...
Пусть на части сердце рвется – я молчу. Я медлю.

...ты лежишь передо мною мертвой бабочкой ночною,
Неоправданной виною – я молчу, немея.

Отливают кудри хною, манит взор голубизною,
Но меж нами смерть стеною – я молчу, не смея.

...я лежу перед тобою цитаделью, взятой с бою,
Ненавистью и любовью – ухожу, прощайте!

Тенью ястреба рябою, исковерканной судьбою,
Неисполненной мольбою – ухожу, прощайте!

В поношении и боли пресмыкалась жизнь рабою,
В ад, не в небо голубое ухожу. Прощайте.

КАСЫДА СЛУЧАЙНОЙ УЛЫБКИ

(дуэтом с Д. Грозовым)

Миновала давно моей жизни весна.
Кто из нас вечно зелен? – одна лишь сосна.

Нити инея блещут в моей бороде,
Но душа, как и прежде, весною пьяна.

Пей, душа! Пой, душа! – полной грудью дыша.
Пусть за песню твою не дадут ни гроша,

Пусть дурные знаменья вокруг мельтешат –
Я бодрее мальчишки встаю ото сна!

Говорят, что есть рай, говорят, что есть ад,
После смерти туда попадешь, говорят,

В долг живем на земле, взявши душу взаймы,
И надеждами тщетными тешимся мы.

Но, спасаясь от мук и взыска улад,
Невдомек нам, что здесь – тот же рай, тот же ад!

Золоченая клетка дворца – это рай?
Жизнь бродяги и странника – ад? Выбирай!

Или пышный дворец с изобильем палат
Ты, не глядя, сменял бы на драный халат?! –

Чтоб потом, у ночных засыпая костров,
Вспомнить дни, когда был ты богат, как Хосров,

И себе на удачу, себе на беду,
Улыбнуться в раю, улыбнуться в аду!

КАСЫДА ПРОТИВОРЕЧИЙ

Ноем тело, ломит кости, и брюзжу по-стариковски:
Вместо спелой абрикоски – гниль повидла.

Змий зеленый ест печенку, ловкий черт увел девчонку,
И дает девчонка черту... Аж завидно.

По стране беднеет волость, на стерне желтеет колос,
И в ноздре колючий волос – вместо свиста.

Клонит в сон на шумном бале, гороскопы задолбали,
Мне бы бабу, но до баб ли?! – это свинство.

Зачерствело, скисло тесто, в тексте глухо без подтекста,
На вопрос ответишь честно – бьют по роже.

Плоски выдумки у голи, скучен хмель у алкоголя,
Гой ли, генерал де Голль ли, – век наш прожит.

А у века в бронзе веки: "Поднимите, человеки!
Если гляну, так навеки быть вам прахом!.."

На горе «Червона Рута» отпевает Хому Брута:
"Это круто! Ох, как круто! Свистнем раком?.."

Шито-крыто, жирно-сыто... Что брюзжишь, моя касыда?
Ох, достану до косы-то! Намотаю,

Об колено головою! – воешь, падла? «Нет, не вою!»
Был один, а стало двое. Значит, стая.

Значит, снова за добычей, львиным рыком, кровью бычьей,
Из тоски отраву вычел, – что осталось?

Что, усталость? Отлеталась? Рухлядь медный дядька Талос,
А у нас хребет и фаллос – звонкой сталью-с!

Черту вместо петли – чётки, ни к чему чертям девчонки,
Спросим: "Деточка, почему ты? Хочешь песню?!"

Хочешь слово? Хочешь снова? Черт не старый, я не новый,
Но завидная основа – поднебесье!

Мы на облаке с тобою, да с касыдой, да с любовью,
Да с проказницей любою в ритме вальса,

Да с рассвета до обеда: сальто, фляки и курбеты...

Эй, забытый гром победы! Раздавайся!

...раздевайся!

КАСЫДА СОМНЕНИЙ

Седина в моей короне, брешь в надежной обороне,
Поздней ночью грай вороний сердце берedit,

Древний тополь лист уронит,— будто душу пальцем тронет,
И душа в ответ застонет, скажет: "Встань! Иди.."

Я – король на скользком троне, на венчанье – посторонний,
Смерть любовников в Вероне, боль в пустой груди,

Блеск монетки на ладони, дырка в стареньком бидоне,
Мертвый вебрь в Калидоне,— в поле я один,

Я один, давно не воин, истекаю волчьим воем,
Было б нас хотя бы двое... Боже, пощади!

Дай укрыться с головою, стать травой, стать молвою,
Палой, желтою листвою, серебром седин,

Дай бестрепетной рукою горстку вечного покоя,
Запах вялого левкоя, кружево гардин,

Блеск зарницы над рекою,— будет тяжело, легко ли,
Все равно игла уколёт, болью наградит,

Обожжет, поднимет в полночь, обращая немощь в помощь –
Путь ни сердцем, ни наощупь неисповедим!

Здесь ли, где-то, юный, старый, в одиночку или стаяй,
Снова жизнь перелистаю, раб и господин,

Окунусь в огонь ристалищ, расплещусь узорной сталью,
Осушу родник Кастальский, строг и нелюдим, –

Кашель, боль, хрустят суставы, на пороге ждет усталость,
"Встань!" – не стану. "Встань!" – не встану.
"Встань!" – встаю. "Иди..."

КАСЫДА О ВЕЛИКОЙ БРАНИ

Нет, не зверь ревет в берлоге, словно трагик в эпилоге,
Одичав в изящном слоге, впереди планеты всей,-

То, колебля дол пологий, собирает в ларь налоги
Городской инспектор строгий, злобный джинн Саддам Хусейн!

Будь ты молодец иль дама, будь инвестор из Потсдама,
Нет спасенья от Саддама, дикий гуль он во плоти,

Говорят, что далай-лама, филиал открывши храма,
Отчисленья с фимиама – весь в слезах! – а заплатил!

Знай, предприниматель частный, если хочешь быть несчастный, –
Целой прибылью иль частью, но сокрой ты свой доход,

И к тебе ближайшим часом, с полной гнева адской чашей,
Покарать за грех тягчайший джинн с подручными придёт!

Но, на радость одержимым, есть управа и на джинна, –
О сказитель, расскажи нам, как был посрамлен Саддам?

Кто сказал ему: «Мы живы!», кто сказал ему: «Вы лживы!»,
Кто изрек в сетях наживы: "Мне отмищенье. Аз воздам!"?

Славу меж людьми стяжавши, горинспекция пожарных
Испытала джинна жало: обобрать он их решил!

К ним, забыв про стыд и жалость, он пришел, пылая жаром:
"Мол, налогов вы бежали, – заплати и не греши!"

Завтра утром, в жажде мести, главный городской брандмейстер
Объявился в темном месте, где сидел злодей Саддам,

И печатью, честь по чести, двери кабинетов вместе
С туалетом он, хоть тресни, опечатал навсегда.

Он воскликнул: "Вы грешите! Где у вас огнетушитель?
Плюс розетки поспешите обесточить, дети зла!

Ты, язви ты в душу шило, просто злостный нарушитель!
Думал, все тут крыто-шито? Отвечай-ка за козла!"

Джинн застыл в сетях обмана, под печатью Сулаймана,
Думал, жизнь как с неба манна, оказалось – купорос,

И сказал: "Герой романа, что делить нам два кармана?

Я, блин, был в плену дурмана. Подобру решим вопрос?"

С той поры узнали люди: не неси налог на блюде!
От Саддама не убудет, если малость обождет, –

Но пожарных не забудет, да, вовеки не забудет
И нести посулы будет благодарный им народ!

КАСЫДА О ПРАВОЙ РУКЕ

Восток жесток, Восток высок, и чья-то кровь уйдет в песок,
Чтоб вашей жизни колесо сломало обод,

«Подайте нищему кусок!» – зовет детский голосок,
Но ядовит анчара сок, и жалит овод.

Самум, песчаная пурга, взметнул разящий ятаган,
Галеры вертит ураган в огне зеленом,

Молись, глупец, своим богам, пади к Аллаховым ногам, –
Вернуться к милым берегам не суждено нам!

Восток хитер, Восток остер, и руку над тобой простер
Не скандинав – холодный Тор, а джинн багряный,

Шипит жаровнею простор, и дня пылающий костер
С песка шершавой дланью стер ночные раны.

Шипит кебаб, звенит рубаб, в гареме уйма знойных баб,
Но в сердце евнуха-раба тоска застыла:

Скажи, судьба, ответь, судьба, зачем Рустаму Рудаба,
Когда верблюжьего горба иссякла сила?

Восток – бамбуковый росток, клинка волнистый кровосток,
И над вознесшимся крестом – щербатый месяц,

Восток – барыш, один за сто, и указующим перстом
Фортуна тычет в твой престол: измерен? Взвесься!

О мир, где правая рука – взгляд беспощадного стрелка,
Седая мудрость старика, скопца пороки,

Где пыль – уснувшие века, где персик – женщины щека,
Где сколько смерть не предрекай, махнешь в пророки,

Где право – красть, а правда – страсть, где любит власть и губит власть,
Где все равно – взлететь иль пасть, где вкус и запах,

Разинув ноздри, будто пасть, друг другом насладились всласть...
И зло глядит, готов проклясть, усталый Запад.

ГАЗЕЛЛА УШЕДШЕГО

О, где лежит страна всего, о чем забыл?
В былые времена там плакал и любил,
там памяти моей угасшая струна...
Назад на много дней
мне гнать и гнать коней –
молю, откройся мне, забытая страна!..

Последняя любовь и первая любовь,
мой самый краткий мир и самый длинный бой,
повернутая вспять река былых забот –
молчит за пядью пядь,
течет за пядью пядь,
и жизнь твоя опять прощается с тобой!..

Дороги поворот, как поворот судьбы;
я шел по ней вперед – зачем? когда? забыл!
Надеждам вышел срок, по следу брешут псы;
скачу меж слов и строк,
кричу: помилуй, рок!..
на круг своих дорог вернись, о блудный сын!..

НОЧНЫЕ ЦИКАДЫ

Вечному пути Мацуо Басе

I. ТЕРЦИЯ

Здравствуй.
Как жизнь?
Прощай.

Мощу пути словами.
Идите.
Я за вами.

Небыль?
Вечер?
Небо на плечи.

Ветер о шиповник
ночью —
в клочья.

Сколько стоишь ты,
душа?
Отблеск медного гроша.

Умиряющего спасение —
в невозможности
воскресения.

Мне назначены судьбой
бой
и боль.

Я такого не хотела —
чтобы тело
улетело.

В руку пригоршню дерьма —
Вот вам
жизни кутерьма.

Дрожь
рук —
а вдруг?!

Дети,

солнце светит где-то.
Помните это.

Нерожденные слова горло теребят.
Я училась убивать –
начала с себя.

Небо
требует мзды
с каждой шлюхи-звезды.

Крики, лица, толкотня.
Застрелитесь
без меня.

Не кричите.
это я –
на изломе острия.

Отвечаю палачу:
– Я не плачу.
Я плачу.

Можно сказать смело:
– Смерть, не смей!..
Посмела.

Телами
гасили
пламя.

Ухожу.
Махните мне рукой.
По ножу – в покой.

Месть
Творцу
не к лицу.

К чему мне эти минуты,
Продлившие осенний дождь?..
Еще одна цикада в хоре.

Кажется: лишь миг – и я пойму,
почему
так трудно одному.

На том, последнем рубеже,
где мы – еще,

а не уже...

Хоть одной ногой –
но в огонь.
В огонь.

Шепчут листья
на ветру:
"Я умру..."

В клеточку плаха, в елочку дыба.
Сдохнуть бы от страха! –
видно, не судьба

Рубежи – стеной.
Пришли.
За мной.

Орган вскипает
Токкатой Баха.
Мечты о пиве.

Великое Дао,
Скажи, пожалуйста:
Какого хрена?!

Бурак в тарелке
Натерт на терке.
Душа в смятении.

Сосна над обрывом.
Думая о вечном,
Беру топор.

Мимо берега
Плывет лебедь,
Воняя тиной.

Рыбак одинокий
В челне надувном
Идет ко дну.

Несу свой дзэн
С горы в долину.
Тяжелый, сволочь!

Лес осенью становится прозрачным.
И черепки октябрьских кувшинов
Хрустят под каблуком.

В толпе легко быть одиноким.
Жетон метро – ключ к просветленью.
Спускаюсь вниз.

Осень в лесу.
Косые лучи солнца,
Клены над оврагом.

...И, лентой траурной,
Заря
Течет к подножью алтаря.

Одолели вирусы.
Опустив в кефир усы,
Ночь провел у монитора.

Да, друзей бывает много.
Трое были у меня.
Третий – лишний.

Тихо умирает детство.
Неуменье
Оглядеться.

Пусть буфетчице приснится
Безразмерный
Чудо-шницель...

Для фанатика все – ересь.
Для упряма все неправы.
Для слепца все – ночь.

У обнаженного меча
Из всех времен одно –
Сейчас.

Рама окна
На решетку похожа.
Случайность?

Задолго до создания пистолета:
Контрольный выстрел –
Поцелуй Иуды.

Старею.
Учусь
Вспоминать.

Тили-бом!
Тили-бом!
Не талантом, а горбом!

Каково в аду?
Посмотреть
Иду.

Великий дар
Небесного Отца –
Уменье что-то сделать до конца.

Терпкий вкус вина на языке.
Мысли разбегаются,
Пьяны.

Тяжкие капли
Дробят отражение
В глади озерной.

На осине
Последние листья –
Дрожь Иуд ноября.

Есть некий высший смысл,
Невыразимый словом,
У чтения в сортире.

Треск сучьев.
Летят искры
В ночное небо...

Журавлиный клин
В вышине.
Возвращайтесь!

Река вскипает
Серебром форели.
Увидеть бы хоть раз!

Душа пастуха Онана
Себе доставляет радость,
Зажав синицу в руке.

У тернового венца –
Ни начала,
Ни конца.

Не в пещере горной

Постигаю дзен –
У дантиста в кресле.

Мне бы
Глоток неба,
И быль – как небыль...

Клен
Роняет семена:
Вниз...

Постигни дзен!
Ударь эстета
Ногой по яйцам.

Закончились money у Мони –
И
Гаплык всей вселенской гармонии.

Один малыш, ровесника заставший
За чтением "Колобка", спросил, напыжась:
"Попсу грызешь?"

День рожденья.
Дали по жопе,
Чтоб закричал.

Сняв штаны, на площадь вышел.
Наклонился для удобства.
Нет, не пнули. Очень странно.

Лес в историю вошел
Знаменитой парой:
Шаолинь и Голливуд.

Аскет в тоске
Спешит к доске,
Лежащей на песке...

Козлы!
С рогами!
Уйду от мира.

Солнце всходит.
Свет и тень
Играют в жмурки.

У быдла есть особенность: оно –
Всегда не ты.

И это восхищает.

Чужое вдали пью пиво,
Красавиц чужих прельщаю,
В мечтах о милой супруге.

Стал мнителен.
Все время кажется,
Что буду вечно жить.

Последний ветер
толкает в спину.
Иду к обрыву.

Шутят лучи солнца,
Смеются, косые.
Радуга на кончиках ресниц.

Гром хрипит
За холмом:
Жалуется...

Я уходил –
и я вернулся.
Какой пустяк!

С полувздоха, полувзгляда,
С полувзвуха, полусмеха –
В полумрак...

Циник в вольном переводе
С языка Эсхила и Софокла
Есть банальный сукин сын.

Грязь чавкает
Под колесом телеги.
Смеется ливень.

Тихо ползи, алкоголик,
По лестницы грязным ступеням
До самой своей квартиры.

Чем дальше,
Тем спокойнее
Люблю.

Кто же такой
Графоман?

Это Творец-импотент.

Ветер шумит
В кронах дубов.
Иду, спокойный.

Одним прекрасным утром
Понимаешь,
Что сердце – это тоже потроха.

Первой кровью
На снегу –
Лепестки тюльпана.

Когда нам изменяет
Чувство меры,
Мы – Гомеры.

Гром копыт –
Табун несется
Над рекой.

Монетка
на дне.
Мне?

Задворки Вселенной.
Звезда устала.
Коллапс.

Ночь холодна.
Венчик замерзшей антенны
Смотрит на спутник.

Я до сих пор не понимаю,
Как люди складывают звуки
В слова.

Первый снег
Исповедал
Землю.

Кельты в кильтах в клятой клети
Колют киллера в колете.
Фэнтези?

Рифма как рана –
Сквозная.
Слово навывает.

Сжал оставшиеся зубы,
Словно пальцы
В кулаки.

Очень часто Крибле с Крабле
Наступать могли на грабли.
Бумс!

В броне и шишаке, с мечом в деснице...
А если с ревматизмом в пояснице?
Романтика, останемся "на вы".

Вдоль русла высохшей реки
Навстречу западному ветру
Иду, смеясь.

Гуляй, душа! –
Подтекст
У панихиды.

Идите, дорогие!
Я останусь.
В веках.

Я в жизни ничего не понимаю
И не пойму. Вот в этом-то вся прелесть
Уменья жить.

Тихий, печальный
Снег.
Саван?

На детях гениев природа отдыхает.
Природа – тоже гений.
Наша мать.

Снег не остался без ответа.
Какая фраза, черт возьми!
А дальше – что?

Какое неожиданное счастье –
Внезапно стать
Предметом воровства!

Постигла страшная беда:
Постыла вкусная еда.
Мой бог! Ужели навсегда?!

В который раз уже за жизнь мою
Часы убили полночь?
Горе! горе!

Бесстрастный свет луны
Сочится
Сквозь туман.

Трагик косматый
Смеется украдкой за сценой,
Чтобы никто не заметил.

На старом фото, где еще все живы,
Один из всех, смеется крайний слева.
Он, верно, что-то знал.

Тихий пруд.
Прыгнула лягушка.
Знать, она сильна?

Горечь осенних листьев.
Хочется плакать
От счастья.

Самозабвенный хор лягушек.
Внимаю ночью
У пруда.

Скрип пера.
Летающие росчерки.
Птицы?

И вот живу,
Как старый анекдот –
Унылый, несмешной и с бородой...

Бродяжка-ночь.
О, лунный грош
В разрывах туч!

II. КВАРТА

Судьба ни при чем,
И беда ни при чем,
И тот ни при чем,
кто за левым плечом...

Прядет, не спит
Седая пряжа:
Прах к праху,
Страх к страху...

Два конца – премудрым эльфам,
Два кольца – пещерным гномам,
Посредине гвоздик – людям...
Вот загадка Саурана!

Будет осень в Болдино
И для сэра Олди, но
Трудно, блин, кормить семью
Болдинскою осенью...

Иду, нагой.
В руках огонь.
Подставляй ладонь.
Поделюсь бедой.

Мы будущего даль и неизвестность
Вложить сумели в семь десятков лет.
Рассвет вставал, нам уступая место,
Закат краснел, садясь за наш рассвет.

В ожидании борща
Я, душою трепеща,
Мажу по сусалам
Чесноком и салом...

Луна
Больна.
В паутине окна
Истошно кричит тишина...

Богема-то в генах!
Чума в буйстве пира!
...вкус гематогена
Постыл для вампира.

Ну-ка, лягу на кровать,

Стану время убивать
И постигну, я-не-я,
Сущность недеяния!

И залятому врагу не
Пожелаю сулугуни,
Потому что этот сыр
Набивается в усы!

Пройдя весь мир с Востока и до Запада,
Не все я видел и не всех любил,
Но не убил – я чтил благую заповедь.
...мне жалко до сих пор, что не убил.

Нет, в адрес деканата
Стихов писать не надо,
Ведь могут снять за это
Стипендию с поэта...

О мудрости спросите мудреца,
Чьи зрелым опытом убелены седины.
Он скажет: "Нет начала и конца
Ей, как и глупости. И в том они едины".

Путь пилигрима –
К вершинам, вдаль,
Где струйкой дыма
Течет печаль...

Все на свете прах и тлен,
Кроме мамы-лени –
Если лень вставать с колен
Уйме поколений.

Боги смеются нечасто, но смех их невесел для смертных,
Смертные плачут годами, но слезы смешны Олимпийцам,
Если земля засмеется, то может быть, небо заплачет,
Вот и смеюсь, весь в надежде, что люди поддержат – но тщетно...

Явилась как-то Золушка на бал,
А принц-красавец ей и говорит:
"Офелия! Ступайте в монастырь!.."
Мораль: ошиблась принцем.

Играй словами, сукин сын,
Мечи в зенит! –
Но ближе, ближе псы-часы,
И – извини...

Эх, кровь с молоком!
А пройдуь кулаком –
Молоко с кровью,
Пейте на здоровье!

В моем Отечестве
Дела честь по чести:
То глядят по шерсти,
То ладят к нечисти...

Гореть завистникам в аду! –
Где даже по ночам
Щекочут огоньком в заду
Шкодливый сволочам...

О, где бы денег накопить
На день вчерашний!
Когда друзья бросают пить –
Поверьте, страшно.

От Вифлеемских яслей до креста
Дорога удивительно проста,
За годом год из этой простоты
Растут дороги, боги и кресты.

Душе ни холодно, ни жарко,
Душа молчит –
И лишь роман на стыках жанра
Стучит в ночи...

Просто, деловито, без затей
Убивают нелюди детей.
И объяли ненависти воды
До души. До мозга. До костей.

...лентой похоронною,
вечною судьбой –
горький крест иронии
Над самим собой.

«КАМаЗ» ударил колесом
И мне досталось.
Из раны сыплется песок.
Наверно, старость.

Наш мир – надменен и суров
Зимой и летом,
Но это лучший из миров.
Узнай об этом.

III. КВИНТА

Жалко
палку –
бьет по псу.
Палка,
я тебя спасу.

В решетке окна –
Весна.
Снаружи заточена.
Уйди, удались, сравненье!
Осколок дурного сна.

Прорастают семена из пепла,
вскормлены углями и золой.
Это я, наверное,
ослепла,
стала злой.

Добра много?
Зла мало?!
Держись –
ногу сломала
жизнь.

Из гнилья
слова –
если я права.
Или век гнилья,
или я – не я.

Палый
лист,
не злись –
это жизнь.
Ложись.

Догорает свеча,
что-то тихо шепча
молчаливой
громаде
меча.

Вен небесных просинь
вторглась в мои сны.
Это просто осень
поперек

весны.

Ненавистны ты и я
мерзкой твари Бытия.
Потому что наши души
вне
ее разбухшей туши.

Я – зритель.
Сплю в объятьях зала
И вижу сон,
Как жизнь убитому сказала:
"Прости за все."

Разбито яйцо.
Опустела скрижаль.
Ржавеет под кленом обломок ножа.
И тайное жало терзает безумца:
"О, жаль..."

Зима скатилась к февралю
И, напоследок огрызаясь,
Вчерашний волк,
Сегодня – заяц,
Готовится почить в раю.

– Три кольца – премудрым эльфам,
Семь колец – пещерным гномам...
"Саурон", имперский крейсер,
У Сатурна на орбите
Вышел вдруг в эфир.

Ангел с огненным мечом
Подрядился палачом:
Этих – в ад,
Этих – в рай,
Кого хочешь, выбирай!

На одного Вольтера – двадцать «вальтеров»,
На одного Рабле – полста рублей,
На "эго" сыщется полтыщи "альтеров",
Как и на Граббе – дюжина граблей.
Статистика, будь проклята навеки!

Ем халву,
Пишу главу,
Не намерен брать Москву,-
Господи, как мало надо,
Чтоб держаться на плаву!

Осенняя пора!
Очей очарование!
Гляжу
На Фудзияму –
Какая красота!

Тропа скупа.
Щедра дорога.
Зато дорога – недотрога.
Топчите, ноги! –
Пройти немногим.

Рука сжимает горло
Отраженья:
Одно неосторожное
Движение –
И в зеркале оскалится не-я...

Утром проснулся
Живой.
Разве не повод для счастья?
Пусть выпадает не часто –
Хватит с лихвой.

Толпа слепа,
Не зная полумер
В забвенье диком.
Но слеп был и Гомер
С Эдипом.

Воспой метро, пиит!
Людская суета
Рекой течет в стеклянные врата,
И грош цена метафорам твоим
Пред гением безумного крота.

И нынче, и вчера, и завтра
Страшнее зверя нет,
Чем кроль,
Вошедший в роль
Тираннозавра.

ХАЙЯМКИ

*Величию души твоей,
Гиясаддин Абу-л-Фатх Омар Хайям ан-Нишапури*

Прости, красавица, и не вини поэта,
Что он любовь твою подробно описал!
Пусть то, о чем писал, не испытал он сам –
Поверь, он мысленно присутствовал при этом!

Вы считаете, рок безнадежно суров?
Но ведь нет ничего ни в одном из миров,
что избегло бы участи мяса парного:
стать жарким в полыханьи вселенских костров!

Раздавалась во мраке судьбы похвальба:
"Ради шуток на трон вознесла я раба,
а впридачу к венцу наградила проказой!" –
и смеются над шуткой скелеты в гробах...

Этот череп – тюрьма для бродяги-ума.
Из углов насмехается пыльная тьма:
"Глянь в окно, неудачник, возмись за решетку! –
не тебе суждена бытия кутерьма!..."

Нет мудрости в глупце? И не ищи.
Начала нет в конце? И не ищи.
Те, кто искал, изрядно наследили,
А от тебя следов и не ищи...

В моих глазах – конец земного праха,
В моих глазах – судьбы топор и плаха,
И вновь пьянит украденная жизнь,
И манит терпкий дым чужого страха...

В мельканьи туч, в смятении страшных снов
Виденья рвали душу вновь и вновь,
И был наш день – запекшаяся рана,
И вечер был – пролившаяся кровь.

Когда-то был Аллах, и рай, и сатана,
И доброе вино... Но мчатся времена:
Аллаха больше нет, нет сатаны, нет рая,
И, что страшней всего – нет доброго вина!

Что за мир сотворил всемогущий Аллах!
Милосердье в сердцах, благолепье в делах!
Сколько добрых убийц и чудесных маньяков!

Сколько красочных дыб, эшафотов и плах!

Пушай на свадьбах плещется вино,
Оно для наших праздников дано!
Налейте жениху – ведь после свадьбы
Жена не даст напиться все равно!

О женщина, гордись законным мужем,
Корми его едой, храни от стужи –
Быть может, он не лучше остальных,
Но, может быть, он остальных не хуже?

Придет она – ты ей стихи, поэт, пиши,
Уйдет она – тогда тоску вином глуши,
Вот так и мне один остался в утешенье
Возлюбленной моей излюбленный кувшин

Весной тесна учащемуся парта,
И правоверные полны азарта,
Все в марте распускается вокруг...
О женщины, к чему пример брать с марта?!

Боясь жены, друзей, боясь людской молвы,
Боясь назвать кривой ствол дерева кривым,
Ты все равно кричишь, что ты – венец Вселенной.
Как жаль, что под венцом не видно головы!

Хайяма поддержать нам всем давно пора,
Что умный – это друг, а глупый – это враг.
Яд, мудрецом тебе предложенный, прими,
Но пить его не смей, коль сам ты не дурак!

Иль я безмерно туп, иль все тупы втройне,
Когда кричат вокруг, что истина в вине –
В моем стакане дно частенько обнажалось,
Но истины, увы, не видел я на дне!

«Все в мире суета» – вот мудреца ответ
На все вопросы, что подсовывает свет.
Иегова иль Аллах, Юпитер или Будда –
Кто б ни был наверху, все суета сует.

Сколь тяжко на пути – тяжелом, длинном, долгом –
Скользить умело меж желаньями и долгом,
И коль погладят вдруг тебя по голове,
Зажав инстинкт в кулак, не огрызнуться волком.

От Архимеда цифр до ядерных оков
Проложен длинный путь, он – не для дураков.

От древних рубайят до песен современных –
Один короткий шаг через толпу веков.

О женщинах ответь, о Тора и Коран:
Как делал их Творец – из глины иль ребра?
Каков был матерьял, я не беруся спорить,
Не мне судить Творца за первый в мире брак.

Все, что ни делал я, ты втаптывала в прах,
Я вижу цель твою во всех твоих делах –
Создать меня опять по своему подобию...
Пускай я человек, но ты же не Аллах!

Ты шел по головам, считая все подряд,
Тебе – восход, иным – стремительный закат.
Ты говоришь, что цель оправдывает средства?
Уж если грянет суд, то цель – не адвокат!

Принимая огонь, соглашаясь на тьму,
Забывая про все, обучаясь всему,
Мы становимся старше, – богаче? беднее?! –
И бессмысленно к небу взывать: "Почему?!"

«Не сотвори кумира!» – не творю.
"Будь глух к соблазнам мира!" – не курю.
"Возвеселись душою, я – твой пастырь!"
Паси другого, милый, – говорю.

Был пьяницей Омар – и я люблю вино.
Был вором Франсуа – и я залез в окно.
Взгляните на меня! Я соткан из достоинств!
А то, что не поэт – так это все равно...

Написал я роман, – а читатель ворчит.
Написал я рассказ, – а читатель ворчит.
Я все время пишу – он все время читает,
И – Аллах мне свидетель! – все время ворчит!..

Поиграем в слова? – я спрошу, ты ответишь.
В жаркой пасти у льва – я спрошу, ты ответишь.
Жизнь, дружок, трын-трава, смерть – лопух под забором,
Значит, что нам скрывать? – я спрошу, ты ответишь...

Зачем, пока живем, повсюду прибыль ищем
И все, что ни найдем, несем в свое жилище?
Пойди и заложь в кабак последний грош!
Ты нищим в жизнь пришел, уйдешь из жизни нищим.

Кричат, что человек не стоит и гроша,

Поскольку дня прожить не может, не греша –
Но если ты, мой друг, впрямь соткан из порока,
Тогда греши, пока жизнь наша хороша!

Эти люди жгут свечи с обоих концов,
Воспевают ханжей, поощряют скупцов, –
Нацеди мне в процессор хмельного нейтрино,
Чтоб не видел я несовершенства Творцов!

Мне приснилось, что я – муж большого ума,
Чужд греху, чужд пороку, серьезен весьма,
Не курю и не пью, честен, верен супруге...
Пощадите! Помилуйте! Лучше тюрьма!!!

Справедливости ищешь? Наплюй и забудь!
Богатей или нищий? Наплюй и забудь!
Захотелось весы привести в равновесье?
В одну чашу наплюй, про вторую забудь.

Не успеть, не сказать, не пройти до конца,
Не сложить, не разрушить, не выпить винца –
О Творец! Что мне делать с проклятой частицей?!
Всеблагой! Для чего научил отрицать?!

Не рубите, почтенные люди, сплеча,
Не спешите, друзья, осуждать палача, –
Если платят за каждый удар по динару,
Руки сами спешат к рукояти меча!

Кто живет с выдающимся носом? – еврей.
На вопрос отвечает вопросом? – еврей.
При рождении мира кто первый из первых,
При кончине – последняя особь? Еврей.

За вино и любовь всех на сковороду?
Вах, такое привидится только в бреду –
Если место в аду для влюбленных и пьяниц,
Мир взорвется от зависти к тем, что в аду!

Эту женщину люди хвалили не вдруг,
Сразу видно ее среди прочих подруг,
И супруг у нее всех супругов прекрасней...
Вы уже догадались, кто этот супруг?

О мудрец! Если тот или этот дурак
Проклинают в молитвах вино и коньяк,
Не вступай с ними в спор и налей себе спирта! –
Пусть растает, как дым, заблуждения мрак...

Не судите, друзья! Дни судьи нележки,
Окружают сплошные судью дураки,
Он стоптал башмаки на дороге Закона,
Но Закон не починит судье башмаки!

У евреев с арабами плохи дела,
А у евнухов с бабами плохи дела.
Мир жесток даже в сказках! Сижу и рыдаю –
У царевичей с жабами плохи дела.

Я горести свои всегда топлю в вине
И смерти не боюсь – она известна мне.
Я был уже не раз до полусмерти пьяным
И, значит, смерть, придет, когда напьюсь вдвойне!

В этот мир я для добрых свершений пришел,
Претерпеть миллионы лишений пришел,
Ибо счастлив помочь, обогреть и наставить...
Не кричите так громко: "Мошенник пришел!"...

Вы – просто дети из других миров?
К вам, юным, этот старый мир суров?
А не хотите в мировое пламя
Подкинуть и свою вязанку дров?

НОВОРУССКИЙ РУБАЙЯТ «ПАЦАН ХАЙЯМ»

Надо жить по понятиям – понял, братан?!
Если ты мне, то я тебе – понял, братан?!
А когда нас судьба разведет на мизинцах –
Ну и за ногу мать ее! Понял, братан?!

Пацаны, я торчу! Мы фильтруем базар,
Нас не вяжут менты и не косит шиза,
Но бугор наверху – еще тот отморозок!
Мне прислали маляву: он всех заказал!..

Бьют по почкам менты? Отчего ж им не бить?
Наступают кранты? Отчего ж им не быть?
Даже если мочить тебя станут в сортире –
Все в порядке вещей. Наплевать и забыть.

Я откинулся с зоны – и сразу в кабак.
У меня есть резоны явиться в кабак –
Не могу же напиться я в библиотеке?!
Вот пропьюсь до кальсон – и покину кабак...

Ты пальцы не топырь, заносчивый ханжа,
Когда мой "Мерседес" плывет из гаража –
Да, бедность не порок, но и не добродетель,
А значит, и в раю башлями дорожат.

Сколько было, пацан, до тебя пацанов,
Сколько будет потом! Вот основа основ:
Отвечаем по-всякому за распальцовку –
И уйдем, догоняя былых паханов...

Мне бы водки, братва! – и уже я Хайям...
Мне бы травки, братва! – и уже я Хайям...
Мне бы Люську-шалаву и теплую койку –
Но проси, не проси, а братве по х...ям!

Я спросил пахана: "Отчего нам хана?
Завяжи с анашой, откажись от вина,
Выкинь финку, пойдешь в стукачи – а в итоге..."
Не дождался ответа я от пахана.

Мы «поляну» накроем и «стрелку» забьем,
И в парилке оттянемся с клевым бабьем,
Рай – для вечнозелёных, как елки и баксы,
Ад – для нытиков, схожих с дубовым рублём!

Есть квартира, счет в банке, мобила и джип,

Этих ставлю "на счетчик", других – на ножи,
Но ночами мне снится: живу на зарплату...
Где, скажите, реальность, а где миражи?!

Ты родился в сорочке, я в джипе рожден,
Ты – семь пядей во лбу, я – в кармане семь тонн,
Ты качаешь права, я же мышцы качаю...
Кто по жизни наказан, а кто награждён?!

Развели, как шестерку, и дело – труба,
О Аллах, ну за что ты караешь раба?
Я налоги с наложниц укрыв, и в отместку
Сколько бед ниспослала мне злая судьба!

Я на Страшном суде озадачу Творца,
Рассказав про доходы, про дачу Творца,
Про уход от налогов, про рэкет, про взятки...
Что молчишь, господин? Опровергни истца!

Я пришел ненадолго, я завтра уйду,
Счет забытого долга, я завтра уйду,
Клык убитого волка, пустая обойма,
Без базара пришел, без базара уйду...

Угнали джип «Chegockee»? Наплевать!
Растут на зоне сроки? Наплевать!
Терпи, пацан! Зачтется терпеливым –
В раю из лейки астры поливать!

Гуляй, братва! Налейте пахану!
К чему слова? Налейте пахану!
Недолго нам гулять – дотянем сроки
И перейдем в другую чайхану!

Сплошь архетип, от крыши до штиблет,
Герои детских сказок новых лет,
Мы жили-были в тридевятой зоне –
Иван-Пацан и Дед-Авторитет...

Хлебнуть ли чайку, заварив от души?
Пройтись ли в мазурке? – эй, ухарь! пляши!
Отдаться ли сну? Перечесть ли Бодлера?
А может быть, просто курнуть анаши?!

Не воруй, говорят, и не пей натошак,
Возлюби не шалаву, а дуру в прыщах,
И тогда после "вышки" твою дородетель
Заберут в неразменный небесный общак!

Там вдали, за Госпромом, дома словно скалы,
Там рассветы в крови пиджаки полоскали,
Сто крутых пацанов на лихих BMW
На разборку с ГУБЭП поскакали...

БАЛЛАДА СУДЬБЫ

Обманутой виселице твоей, школяр Франсуа Вийон

БАЛЛАДА НОЧНОГО ВСАДНИКА

Изгибом клинка полыхая в ночи,
Затравленный месяц кричит.
Во тьме – ни звезды, и в домах – ни свечи,
И в скважины вбиты ключи.
В домах – ни свечи, и в душе – ни луча,
И сердце забыло науку прощать,
И врезана в руку ножом палача
Браслетов последних печать.

Забывшие меру добра или зла,
Мы больше не пишем баллад.
Покрыла и души, и мозг, и тела
Костров отгоревших зола.
В золе – ни угля, и в душе – ни луча,
И сердце забыло науку прощать,
И совесть шипит на углях, как моча,
Струясь между крыльев плаща.

Подставить скулу под удар сапогом,
Прощать закадычных врагов.
Смиренье, как море, в нем нет берегов –
Мы вышли на берег другой.
В душе – темнота, и в конце – темнота,
И больше не надо прощать ни черта,
И истина эта мудра и проста,
Как вспышка ножа у хребта.

БАЛЛАДА ПРИЗРАКОВ

Я – призрак забытого замка.
Хранитель закрытого зала.
На мраморе плит, испещренном запекшейся кровью,
Храню я остатки бывшего,
Останки бывшего.

Когда-то я пел в этом замке.
И зал в изумлении замер.
А там, у парадных ковровых – проклятых! – покоев
Стояла хозяйка,
Стояло в глазах беспокойство.

Я – призрак забытого замка.
Но память мне не отказала.
И дрожь Ваших губ, и дрожание шелка на пальцах
Врезались звенящей струною
В подушечки пальцев.

Вы помните, леди, хоть что-то?
Задернута жизнь, словно штора.
Я адом отвергнут, мне райские кущи не светят,
Я – призрак, я – тень,
Наважденье,
За все я в ответе.

В прошедшем не призраку рыться.
Ваш муж – да, конечно, он рыцарь.
Разрублены свечи, на плитах вино ли, роса ли...
Над телом барона
Убийцу казнили вассалы.

Теперь с Вашим мужем мы – ровня.
Встречаясь под этою кровлей,
Былые враги, мы немало друг другу сказали,
Но Вас, моя леди,
Давно уже нет в этом зале.

Мы – двое мужчин Вашей жизни.
Мы были, а Вы еще живы.
Мы только пред Вами когда-то склоняли колени,
И в ночь нашей встречи
Вас мучит бессонница, леди!

Вокруг Вашей смятой постели
Поют и сражаются тени,
И струны звенят, и доспехи звенят под мечами...

Пусть Бог Вас простит,
Наша леди,
А мы Вас прощаем.

БАЛЛАДА О КУЛАКЕ

Шел монах за подаяньем,
Нес в руках горшок с геранью,
В сумке сутру махаянью
И на шее пять прыщей.
Повстречался с пьяной дрянью,
Тот облил монаха бранью,
Отобрал горшок с геранью
И оставил без вещей.

И стоит монах весь драный
И болят на сердце раны,
И щемит от горя прана,
И в желудке – ничего.
И теперь в одежде рваной
Не добраться до нирваны
Из-за пьяного болвана,
Хинаяна мать его!

И монах решил покамест
Обратиться к Бодхидхарме,
Чтоб пожалиться пахану
На злосчастную судьбу,
И сказать, что если Дхарма
Не спасет его от хама,
То видал он эту карму
В черном поясе в гробу!

И сказал Дамо:
– Монахи!
Ни к чему нам охи-ахи,
А нужны руками махи
Тем, кто с ними не знаком.
Пусть дрожат злодеи в страхе,
Мажут сопли по рубахе,
Кончат жизнь они на плахе
Под буддистским кулаком!

Патриархи в потных рясах –
Хватит дрыхнуть на матрасах,
Эй, бритоголовых массы,
Все вставайте, от и до!
Тот, чья морда станет красной,
Станет красным не напрасно,
Не от водки и от мяса,
А от праведных трудов!

Лупит палкой тощий старец,
Восемь тигров, девять пьяниц,
Эй, засранец-иностранец,
Приезжай в наш монастырь!
Выкинь свой дорожный ранец,
Подключайся в общий танец,
Треснись, варвар, лбом о сланец,
Выйди в стойку и застынь!

Коль монаху плохо спится,
Бьет ладонью черепицу;
Коль монах намерен спиться –
Крошит гальку кулаком!
А приспичит утопиться –
Схватит боевую спицу,
Ткнет во вражью ягодицу –
И с хандрою незнаком!

У кого духовный голод,
Входит в образ богомола
И дуэтом или соло
Точит острые ножи,
Кто душой и телом молод,
Тот хватает серп и молот,
Враг зарезан, враг расколот,
Враг бежит, бежит, бежит!

Шел монах за подаяньем,
Нес в руках горшок с геранью,
В сумке – палку с острой гранью,
Цеп трехзвенный и клевец.
Повстречался с пьяной дрянью,
Ухватил за шею дланью,
Оторвал башку баранью –
Тут и сказочке конец!

БАЛЛАДА ДВОЙНИКОВ

– Нежнее плети я,
Дешевле грязи я –
В канун столетия
Доверься празднику.

– Милее бархата,
Сильней железа я –
Душой распахнутой
Доверься лезвию.

...Левая рука – правою,
Ложь у двойника – правдою,
Исключение – правилом,
Лакомство – отравой.
Огорчаю?
Нет! –
радую...

– Червонней злата я,
Из грязи вышедши –
В сетях проклятия
Доверься высшему.

– Святой, я по морю
Шел, аки по суху –
Скитаясь по миру,
Доверься посоху.

...Правая рука – левою,
Шлюха станет королевою.
Трясогузка – лебедью,
Бедность – нивой хлебною.
Отступаю?
Нет! –
следую...

– Возьму по совести,
Воздам по вере я,
На сворке псов вести –
Удел доверия.

– Открыта дверь, за ней –
Угрюмый сад камней.
Мой раб, доверься мне!
Не доверяйся мне...

...в зеркале глаза – разные.
Позже ли сказать?
Сразу ли?!
Словом или фразою,
Мелом или краскою?
Сострадаю?!
Нет! –
праздную...

БАЛЛАДА ПЕСНИ ПОД ВИСЕЛИЦЕЙ

Его три раза вешали,
Три раза отпускали,
Да ну поэта к лешему! –
До дырок затаскали.
О бабах, что ли, брешет он?
Так это ж вор в законе!
Ходили слухи грешные
О Франсуа Вийоне.

Сто раз бывал под пыткой
По делу и без дела,
За душу слишком прыткую
Ответ держало тело.
Гуляй, эпоха, веселись,
Рви с языка слова!
В тени высоких виселиц
Шатался Франсуа.

Поэту кушать хочется,
Поэту выпить хочется,
Поэты так же корчатся
От боли, как и прочие,
А как поэтов вешают
Под колокольный звон!
К чему потомков вмешивать?
Не правда ли, Вийон?!

Года средневековые,
Простые да хорошие,
Слова цепями скованы,
Слова в застенки брошены,
Была у инквизиции
Святейших подлецов
Почтенная традиция –
Плевать словам в лицо.

Наш век давно не каменный,
Труднее понимать его,
Одни Вийоны в камерах,
Другие – в хрестоматии.
К чему перемывать белье
Всемирного сортира?
Да ну ко всем чертям ее!
Изыди, сгинь, сатира!

Поэту кушать хочется,

Поэту выпить хочется,
А дуракам хохочется,
А головы морочатся,
Гуляй, эпоха, веселись,
Рви с языка слова!
Пока поют у виселиц,
Считай, что ты жива!

БАЛЛАДА ОПЫТА или БУДЬТЕ, КАК ДЕТИ...

I

Ребенок любит фильмы про войну.
Команчи бьют ковбоев, те – шерифа,
Шериф схватился с рыцарем Айвенго,
Айвенго рубит шашкой Робин Гуда,
А Робин Гуд стреляет из базуки
В джедая, что свой лазер обнажил
И лазером наотмашь полосует
Трех Бэтменов.
Но позже, во дворе,
Ребенка лупит толстый одноклассник,
В песке и грязи густо изваляв,
Украшив синяками, – и ребенок
Бежит домой, сморкаясь и рыдая,
Чтоб целый вечер фильмы про войну
Смотреть.
Я, стоя за его спиной,
Печально улыбаюсь. Но мой опыт
Ему – ничто. Он любит про войну.

II

Гроза за горизонтом – немая.
В молчании небесных страстей
Не опытом, – умом понимаю:
Как больно умирать на кресте.

Когда уже не муки, а мухи
Жужжат над обезумевшим ртом,
Когда не серафимы, а слухи
Парят над одиноким крестом,

Когда ни упования, ни веры,
А гвозди и терновый венец,
Когда не ангел – legionеры
Торопят равнодушный конец,

И больше ни апреля, ни мая,
Набат в виске взорвался и смолк...
Не опытом, – умом понимаю.
А опытом не смог бы.
Не смог.

БАЛЛАДА СРЕДНИХ ЛЕТ

«Увы! – где прошлогодний снег...»
Франсуа Вийон

Ножки в тазик опускаю
С теплою водой,
Всех обидчиков прощу, –
Добрый, молодой, –
Хлопну рюмку коньяку,
Тихо мудрость изреку,
Например:
"Кукуй, кукушка!
Скучно суке на суку!.."

Миру – мир, козлу – капуста,
Доминошке – "дубль-пусто",
Ах, приди, моя Августа,
Разгони печаль-тоску!

Ножкам в тазе трын-трава,
В радио – Кобзон,
За окном в снегу трава,
Значит, есть резон
Хлопнуть бодро по второй,
Уяснить, что я – герой,
И отчалить по сугробам
Поздней зимнею порой.

Мы свои права качали
В романтической печали,
Где, Августа, локон чалый?
Где любовный геморрой?!

Ножки в тазик с кипятком,
Душу – на ледник,
С симпатичным коньяком
В доме мы одни,
Что хандра мне? Что мне грусть?
Я от грусти этой прусь,
Я коньяк заем капусткой –
Ох, люблю капусткин хруст!

Мама стекла мыла в раме,
Звонки бубны за горами,
Нет – лоточникам во храме!
Свята Киевская Русь!

Допиваешь? Допивай!
Баю-баю-баю-бай...

ТИХАЯ БАЛЛАДА

Я плыву на корабле,
Моя леди,
Сам я бел, а конь мой блед,
То есть бледен,

И в руке моей коса
Непременно.
Ах, создали небеса
Джентельмена!

Нам не избежать молвы,
Моя леди,
Я ведь в саване, а вы –
В старом плеле,

То есть оба не вполне
Приодеты.
Я скачу к вам на коне:
Счастье, где ты?!

На крыльцо ступлю ногой,
Моя леди,
Вот для леди дорогой
В рай билетик,

Попрошу вас неглиже
В кущи сада...
Что? Ошибся? Вы уже?!
Ах, досада!

Расседлаю я коня,
Моя леди,
Не сердитесь на меня,
Мы не дети,

Над могилкою звезда,
Ночь покойна...
Ну, бывает. Опоздал.
Что ж такого?

БАЛЛАДА СУДЬБЫ

Я не знаю, какая строка обернется последней,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.